

УДК 343.13; 343.102

Ю. П. Шкаплеров

первый заместитель начальника

Могилевского института МВД Республики Беларусь,

кандидат юридических наук, доцент

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СОГЛАСНО ПЕРВЫМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСАМ БССР

Изучение правового наследия, в том числе в уголовном процессе, имеет важное значение не только для доктрины, но и для надлежащей организации образовательного процесса. Особый интерес при этом представляет исследование мер пресечения как уголовно-процессуальных институтов, существенно ограничивающих права и свободы граждан. Актуальным видится также рассмотрение нормативной регламентации данных мер в первых уголовно-процессуальных кодексах БССР, т. к. после Октябрьской революции советский законодатель пытался уйти от использования дореволюционных уголовно-процессуальных институтов. По крайней мере, такие намерения озвучивались при принятии как Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) РСФСР 1922 г., действие которого было распространено на территорию БССР, так и его редакции 1923 г., а также УПК БССР 1927 г. [1].

Меры пресечения в рассматриваемый исторический период в литературе определялись как принудительные меры, которые следователь применял к обвиняемому для предупреждения уклонения его от явки к следователю и суду [2, с. 185].

В соответствии со ст. 144 УПК БССР 1927 г., к числу мер пресечения относились: подписка о невыезде; поручительство рабочих, профессиональных, крестьянских и иных общественных организаций; домашний арест; заключение под стражу. Кроме того, в примечании к названной статье по отношению к обвиняемым военнослужащим отдельно упоминалось наблюдение в частях, в которых они проходили службу.

Решение о применении меры пресечения облекалось в форму постановления «с указанием преступления, в котором обвиняется данное лицо, и оснований» ее применения, о чем немедленно объявлялось обвиняемому и сообщалось прокурору (ст. 146 УПК БССР 1927 г.). При принятии данного решения, а также определения вида меры пресечения следователь, должностное лицо, производившее дознание, должны были учитывать: «важность преступления, приписываемого обвиняемому, тяжесть имеющихся против него улик, вероятность возможного со стороны обвиняемого уклонения от следствия и суда или препятствия раскрытию истины, состояние здоровья обвиняемого, род занятий

и другие обстоятельства» (ст. 147 УПК БССР 1927 г.). В свою очередь, прокурор мог предложить должностному лицу органа уголовного преследования применить, отменить либо изменить меру пресечения. При этом законодательно предусматривалась возможность опротестования следователем, должностным лицом, производившим дознание, такого предложения в суде. Однако предложение прокурора об изменении меры пресечения на менее суровую подлежало исполнению в обязательном порядке (ст. 148 УПК БССР 1927 г.).

Отмена либо изменение меры пресечения по инициативе должностного лица, ведущего производство по делу, а также прокурора могли иметь место в случаях, когда в ней отпадала дальнейшая необходимость. Данное решение также оформлялось постановлением. При этом если мера пресечения была применена по предложению прокурора, то ее изменение или отмена могли иметь место только при наличии согласия последнего. Если же решение о применении меры пресечения ранее принимал сам прокурор, то только он своим постановлением мог отметить или изменить его (ст. 161 УПК БССР 1927 г.).

В соответствии со ст. 149 УПК БССР 1927 г., подписка о невыезде состояла в отобрании от обвиняемого обязательства не отлучаться с места жительства без разрешения органа уголовного преследования и являлась наиболее распространенной мерой пресечения [2, с. 187; 3, с. 140]. В случае нарушения обвиняемым данной им подписки, к нему применялась более суровая мера пресечения.

Поручительство рабочих, профессиональных, крестьянских и иных общественных организаций в полной мере соответствовало духу социалистического государства, о чем свидетельствует порядок его реализации. Так, должностное лицо органа уголовного преследования могло применить эту меру пресечения лишь при условии предоставления ему постановления общего собрания членов организации (профессионального союза, крестьянского общества взаимопомощи и т. п.) о том, что она ручается за явку обвиняемого и обязуется доставить последнего к следователю и в суд по первому требованию. После этого следователь или должностное лицо, производившее дознание, составляли протокол, который подлежал подписанию уполномоченным представителем организации-поручителя. Данное лицо также получало на руки копию названного протокола (ст. 150 УПК БССР 1927 г.). Вместе с тем каких-либо санкций в отношении поручившейся организации при уклонении обвиняемого от явки к должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, закон не содержал.

Интересным является то обстоятельство, что в УПК БССР 1923 г. меры пресечения с таким наименованием не существовало. Статьи 144, 150–152 данного уголовно-процессуального закона устанавливали и регламентировали порядок применения личного и имущественного поручительства, больше похожего на личное поручительство, предусмотренное ст. 121 УПК Республики

Беларусь. Однако позднее положения, регламентировавшие личное и имущественное поручительство, были исключены из редакции УПК БССР 1927 г. Точно также не сохранилась в нем и такая мера пресечения, как залог, предусмотренная ст. 153–156 УПК БССР 1923 г.

В свою очередь, домашний арест заключался в «лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой» (ст. 152 УПК БССР 1927 г.). Применение данной меры пресечения не связывалось с безусловным запретом обвиняемому выхода из занимаемого им жилого помещения. Такие отлучки считались возможными по разрешению следователя, должностного лица, производившего дознание, и «в сопровождении стражи». Предполагалось также, что домашний арест мог быть ограничен обязанностью обвиняемого по нахождению в жилище в течение определенного времени суток, например, вечерних и ночных часов [4, с. 136]. На практике рассматриваемая мера пресечения обычно применялась к лицам офицерского состава, а также в случае болезни обвиняемого [5, с. 583], да и крайне редко [2, с. 190], т. к. ее считали неэффективной, «...ибо, с одной стороны, слишком плохо гарантирует от побега обвиняемого, а с другой, не может в достаточной мере помешать ему сносятся с внешним миром, а следовательно, и влиять на ход следствия» [3, с. 140].

Заключение под стражу как мера пресечения в УПК БССР 1927 г. именовалось также лишением свободы и могло быть назначено лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривалось лишение свободы либо более суровое наказание, при условии, что при этом имелись достаточные основания полагать, что обвиняемый скроется от «следствия и суда», будет препятствовать расследованию, или «если нахождение его на свободе будет признано общественно-опасным» (ст. 158 УПК БССР 1927 г.).

В постановлении о заключении под стражу в обязательном порядке отражались обстоятельства, явившиеся основанием для его применения (ст. 158 УПК БССР 1927 г.). Следователь, должностное лицо, производившее дознание, сообщали надзирающему прокурору об избрании названной меры пресечения и направляли последнему копию вынесенного ими постановления. Копии постановлений передавались также: 1) в Народный комиссариат по иностранным делам, когда обвиняемый являлся гражданином другого государства (ст. 160 УПК БССР 1927 г.); 2) в место содержания обвиняемого под стражей; 3) по месту работы обвиняемого; 4) самому обвиняемому [4, с. 138].

Несколько отличным от общего являлся порядок заключения под стражу отдельных категорий должностных лиц. Так, Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 ноября 1922 г. «О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей» предписывалось принимать решения о заключении

под стражу названных лиц только с разрешения прокурора республики («при аресте прокуроров, председателей трибуналов и советов народных судей») или губернского прокурора [6, с. 248].

5 декабря 1936 г. была принята Конституция СССР, ст. 127 которой содержала положение о том, что никто не мог быть подвергнут заключению под стражу (аресту) иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора [7]. С этого времени и по сегодняшний день постановления о применении рассматриваемой меры пресечения в досудебном производстве подлежат обязательному санкционированию прокурором.

В соответствии со ст. 159 УПК БССР 1927 г., срок заключения под стражу не мог превышать двух месяцев, что сопоставимо с ч. 1 ст. 127 УПК Республики Беларусь. При необходимости, например, в случае сложности дела, данный срок мог быть продлен до одного месяца окружным (надзирающим) прокурором.

Таким образом, в рассматриваемый период времени (1922–1961) регламентация мер пресечения в белорусских УПК была довольно объемной, в определенной части — сопоставимой с сегодняшним днем. В УПК БССР нашла отражение политика новых советских властей, что выразилось в появлении такой меры пресечения, как поручительство рабочих, профессиональных, крестьянских и иных общественных организаций, и наоборот, исключение из закона личного и имущественного поручительства. При этом, несмотря на желание законодателя, полного отказа от дореволюционного правового наследия не произошло. В частности, в УПК БССР 1927 г. сохранилось большинство мер пресечения, известных еще Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., а также в большей части их нормативная регламентация.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изм. на 15 апр. 1957 г. и с прил. систематизир. материалов. Минск : Редакция науч.-техн. лит., 1957. 180 с. [Вернуться к статье](#)

2. Строгович М. С. Уголовный процесс ; Ин-т права АН СССР. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 311 с. [Вернуться к статье](#)

3. Андреев М., Бахров Г., Лозинский С. Уголовный процесс РСФСР ; под ред. А. Эстрина. Ленинград : Рабочий суд, 1927. 215 с. [Вернуться к статье](#)

4. Люблинский П. И., Полянский Н. Н. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : текст и постатейный комментарий с приложением алфавитно-предметного указателя. М. : Право и жизнь, 1924. 375 с. [Вернуться к статье](#)

5. Настольная книга следователя / под общ. ред. Г. Н. Сафонова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 879 с. [Вернуться к статье](#)

6. Гусев Л. Н. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. : сб. документов ; под ред. С. А. Голунского. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1955. 636 с. [Вернуться к статье](#)

7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] : утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 дек. 1936 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/edef14e1fc53d2afd57a6ef01bdb0e22/ (дата обращения: 22.02.2021).
[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)